

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 81'371

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО КИНОДИСКУРСА (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям»)

Айшат Магометовна Айбазова¹

1 Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984> E-mail: aybazova.2013@mail.ru

Аннотация. Введение. Настоящая статья посвящена лингвоаксиологическому и лингвокультурному анализу единиц, используемых носителями карачаево-балкарского языка при вербализации воспоминаний, связанных с основополагающим для формирования лингвокультуры и языковой картины мира данного народа событием, насильтвенной депортацией 1943-1957 гг. Актуальность статьи обусловлена предпринятой в ней попыткой заполнить пробел в области лингвоаксиологических и лингвокультурных исследований карачаево-балкарского языка, затрагивающей кинодискурс, в центре которого депортационная тематика. На основе глубокого и детального разбора языковых единиц, используемых героями фильмов, выявляются единицы, содержащие в себе элемент оценочности. Цель статьи заключается в установлении особенностей употребления подобных единиц и природы их формирования. **Материалы и методы.** Единицы для анализа отбирались методом сплошной выборки и подвергались общей и авторской категоризации в соответствии с их интенциональной составляющей. Комплексная методология исследования, включает в себя лингвокультурологический, контекстологический, конситуационный и концептуальный анализ рассматриваемых аксиологических концептов. **Анализ.** Наиболее репрезентативными объектами анализа представляются кинотексты документальных фильмов и художественных фильмов, за основу сюжетов которых взяты реальные события, поскольку в силу произвольного характера отбора языковых средств героями интервью в подобного рода фильмах нам представляется форма языка максимально

приближенная к естественной речи его носителей в повседневной жизни. Репрезентация ключевых аксиологем в данном случае верифицируется бытийственной формой экспликации. **Результаты.** Автор статьи приходит к выводу, что в образовании оценочности единиц могут быть задействованы различные средства языка, а в кинотекстах упомянутой тематики преобладают единицы с негативным оценочным компонентом. Процесс аксиологизации наиболее значимых компонентов лингвокультурной картины мира происходит в неразрывной взаимосвязи с процессом вербализации в поликодовом тексте кинофильма с опорой на разделенные всеми представителями социума компоненты ценностно-ориентационного пространства.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоаксиология, оценочность, история, кинодискурс, кинотекст, тюркские языки

Для цитирования: Айбазова А. М. Аксиологическое пространство карачаево-балкарского кинодискурса (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям») // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 504–513. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 24.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.08.2023.

Research article

THE AXIOLOGICAL SPACE OF THE KARACHAY-BALKAR FILM DISCOURSE (on the material of documentary films about the deportation: "Khorlatmaz adam esi", "Sad Pages of Fate", and the feature film "Mariam" based on real events)

Aishat M. Aibazova¹

1 North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Postgraduate student
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-8984> E-mail: aibazova.2013@mail.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to linguo-axiological and linguo-cultural analysis of the units used by the speakers of the Karachay-Balkarian language in the verbalization of memories associated with the fundamental event for the formation of the linguistic culture and linguistic picture of the world of this people, the forcible deportation of 1943–1957. The relevance of the article is due to an attempt made in it to bridge the gap in the field of linguo-axiological and linguo-cultural studies of the Karachay-Balkarian language with the reference to film discourse related to the deportation theme. On the basis of a deep and detailed analysis of languages units used by the characters of the films, the units containing an element of evaluation are identified. The purpose of the article is to establish the features of the use of such units and the nature of their formation. **Materials and Methods.** The units for analysis were selected by the method of continuous sampling and subjected to general and author's categorization in accordance with their intentional component. The comprehensive methodology of the research includes linguoculturological, contextual, consituational and conceptual analysis of the axiological concepts under consideration. **Analysis.** The most representative objects of analysis in this regard are the film texts of documentaries and feature films, the plots of which are based on real events, since, due to the arbitrary nature of the selection of linguistic means by the interview subjects in such films, we see the form of the language

Введение. В мировой науке XXI в. ознаменован потоком исследований междисциплинарного характера, рассматривающих ключевые проблемы с ракурсов различных наук, между которыми прослеживаются отношения тесной или дистанцированной корреляции. В результате развития исследований в междисциплинарных направлениях появились соответствующие комплексные науки, в арсенале которых собраны терминология, методология и инструменты анализа двух или более уже существовавших по отдельности самостоятельных наук. Одной из таких междисциплинарных наук является лингвоаксиология, представляющая собой сочетание на основе общего объекта исследования таких базовых дисциплин, как аксиология, языкознание и лингвокультурология. Кинодискурс, будучи одним из ключевых объектов лингвокультурологических исследований, закономерно подвергается анализу с аксиологической точки зрения. Кинодискурс большинством исследователей понимается как достаточно широкий комплексный феномен, включающий не только, собственно, кинотекст,

as close as possible to the natural speech of its speakers in everyday life. The representation of key axiologems in this case is verified by the existential form of explication.

Results. The author of the article concludes that various means of language can be involved in the formation of evaluative units, and units with a negative evaluative component predominate in the film texts of the mentioned subject. The axiologization process of the most significant linguistic worldview components occurs in an inextricable relationship with the process of verbalization in the polycode text of a movie based on the components of the value-orientation space shared by all representatives of society.

Keywords: linguoculturology, linguoaxiology, category of evaluation, history, film discourse, film text, Turkic languages

For citation: Aibazova A. M. The axiological space of the Karachay-Balkar film discourse (on the material of documentary films about the deportation: "Khorlatmaz adam esi", "Sad Pages of Fate", and the feature film "Mariam" based on real events). Humanities and law research. 2023;10(3):504–513. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.06.2023.

The article was approved after reviewing: 24.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.08.2023.

и вербально-визуальное пространство интерпретации, но иproto- и мета-тексты (мнения, рецензии, трейлеры, материалы полевых исследований для создания документальных проектов и т. п.), формирующие контекстуальную и конситутивную область его порождения.

Цель данной статьи заключается в комплексном анализе механизмов экспликации особенностей, имманентных аксиологическому пространству карачаево-балкарского кинодискурса, принимая во внимание его принципиальную значимость при характеристике культурного портрета рассматриваемого этноса.

Научная новизна предпринятого исследования определяется не только возрастающим интересом к исследованию механизмов модификации генерализованного содержания культурных концептов, но и выявлению роли аксиологических компонентов в структурировании концептуально-валерного пространства лингвокультурного сообщества. Кроме того, привлечение в качестве эмпирического материала текстов современного кинодискурса, содержащего билингвальный код,

позволяет выявить специфические точки бифуркации национальных и общероссийских аксиологических пространств.

История аксиологии как области человеческих мыслительных изысканий начинается ещё в античном мире. Ценностные понятия прослеживаются в философии древнего мира не в виде эксплицитно выраженных аксиологических суждений, а в форме различного рода воззрений на тему нравственности, блага, поведения и т. д. [5].

Лингвистическая составляющая аксиологии основана на соотношении Язык – Сознание – Общество – Культура – Человек. Язык в лингвоаксиологии предстает как аппарат образования и вербализации ценностей. Лингвоаксиологический анализ предназначен для поцирования ценностного компонента языковой единицы или высказывания [6]. Таким образом, именно определение места того или иного вербализатора культурного аксиологического концепта в концептуально-вербальной системе народа, а также в различных подсистемах языка представляется наиболее важной составляющей лингвоаксиологического анализа ценностно-ориентационного пространства текстовой реальности [8].

Ценность рационально очерчивать в формате противопоставления в рамках оппозиции «хорошо – плохо». В соответствии с положительным или отрицательным отношением субъекта различают «ценности» и «анти-ценности». Помимо общей оценки, классифицируют несколько специальных сфер распространённости ценностей, выраженных следующими диадами: 1) «истинно» и «ложно»; 2) «добро» и «зло»; 3) «прекрасное» и «безобразное»; 4) «приятное» и «отвратительное». Классификация не облигаторная, поэтому может пополняться другими разновидностями, следуя установленной логике [6]. Ценностные компоненты картины мира зачастую обретают в процессе вербализации статус дихотомических единства, т.е. интерпретируются только как целостные знаки в осложненном визуально-вербальном семиотическом пространстве [10].

Существенное значение анализ ценностных компонентов единиц языка имеет для лингвокультурологии в связи с неразрывной связью и взаимообусловленностью ценностных ориентаций индивида и лингвокультурного сообщества в процессе интенсификации и актуализации языковой картины мира целого этноса, что является ключевым объектом исследований лингвистической культурологии.

Первостепенное внимание аксиологически ориентированная лингвистика отдает эксплуатационному подходу в языковом анализе, что особо отмечает Ю. С. Степанов: «Дискурс – это первоначально особое использование языка <...> для выражения особой ментальности, <...> особой идеологии; особое использование влечет за со-

бой активизацию некоторых черт и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [7, с. 38].

Невозможным представляется анализ экспликаторного пространства вне его взаимосвязи с социумом, в котором оно существует. Так, кино-дискурс отражает наиболее значимые феномены и события, играющие доминантные социально-исторически детерминированные картинообразующие роли, а значит должен быть подвергнут и социолингвистическому анализу. В контексте социолингвистических исследований «кинодискурс» трактуется как отражение общества, что мотивируется тем, что кинофильмы «насыщены социальными смыслами» [11, с. 10–11].

Фильмы выступают существенным источником информации о социальных и культурных реалиях общества, а кроме того, указывают на то, какие аспекты этого общества подвержены критике. В документальных фильмах отсутствует элемент художественного вымысла, а, следовательно, их можно рассматривать как наиболее адекватную презентацию материальной и духовной сфер жизнедеятельности народа. Из этого можно сделать вывод, что в документальных фильмах содержится достаточный пласт культурной информации, необходимый для характеристики ценностной картины мира народа, который и представляет не только целевую аудиторию, но и сам входит в качестве структурного элемента в повествование фильма, именно на основе этого факта обратной интимизации мнения представителей той или иной лингвокультуры о событиях, эксплицируемых в документалистике или фикциональном кино, органично включаются в общее пространство кинодискурса.

Карачаево-балкарский язык входит в число тюркских языков и является родным для карачаевцев и балкарцев, братских народов, живущих преимущественно в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках Российской Федерации. Одной из ключевых вех в истории карачаево-балкарского народа является период их принудительного переселения в Казахстан и Киргизию в 1943 и 1944 гг. В связи с этим карачаево-балкарское телевидение регулярно выпускает документальные и художественные фильмы, раскрывающие новые исторические факты, касающиеся данного исторического периода, а также посвящающими новое поколение народа в истории судеб их предков, являвшихся непосредственными участниками этих социально-исторических коллизий. Именно посредством подобной интенсификации в поликодовом пространстве кинотекста происходит не только трансляция, но и формирование ключевых аксиологических доминант, сохраняется историческая и культурная память народа, происходит опредмечивание в знаках языка и повторное распредмечивание эмотивных смыслов.

Материалы и методы. Эмпирический материал анализа отбирался методом сплошной выборки и подвергался авторской категоризации в соответствии с их интенциональной (иллоктивной) составляющей. Комплексная методология исследования, включает в себя лингвокультурологический, контекстологический, конситуационный и концептуальный анализ рассматриваемых аксиологических концептов. Эмпирическим материалом анализа послужили отрывки из кинотекстов карачаево-балкарских документальных и художественных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и «Мариям».

Анализ. В документальном фильме «Хорлатмаз адам эси» авторы затрагивают один из самых трагичных периодов в истории карачаево-балкарского народа – период их насильтственного переселения с исторической родины на территорию Казахстана и Киргизии по приказу советских властей. Операция по выселению карачаевцев началась 2 ноября 1943 г., а депортация балкарцев была произведена 8 марта 1944 г. В обоих случаях подготовка к переселению осуществлялась сотрудниками НКВД и сопровождалась насильтственными действиями, что способствовало распространению панических настроений в народе. Зачастую депортации подвергались только женщины, дети, старики и инвалиды, все мужчины были на фронте. Депортируемых перевозили в товарных вагонах, предназначенных для скота, погибших не хоронили, а просто выкидывали из поезда. Карачаевцы и балкарцы были оставлены в новом месте без элементарных условий к существованию.

Исходя из эмоциональной значимости данных событий для исторической памяти народа и их существенной роли в формировании ценностной и языковой картин мира карачаевцев и балкарцев, закономерным будет прогнозировать высокую степень оценочности языковых единиц кинотекста анализируемых фильмов, отражающих отношение жертв к пережитым ими репрессиям. Проанализировав данные кинотексты, мы разделили его аксиологически наполненные единицы на 4 категории: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участии; 3) единицы, отражающие гордость своим народом; 4) единицы, наполненные элементами ностальгии. Рассмотрим примеры каждой категории. Основные аксиологемы рассматриваемой лингвокультуры внедряются в кинотекст на основе соответствия их генерализованного содержания общему пространству интерпретации, создавая, таким образом, необходимые векторы распределения пространства оценки [2, с. 638].

К первой категории относится такое выражение как *халкъны тар ырбыннга тыйдыла* (пер. загнали народ в углу), отражающее безвы-

ходность и отчаяние ситуации, в которую попали карачаевцы и балкарцы. Данная оценка выражена не одним словом, а фразеологизмом *тар ырбынга тыяргъя*, что существенно повышает семиотическую нагрузку вербализатора. Дополнительное подкрепление дерогативных компонентов ценностного пространства производится именно устойчивостью формы вербализации, разделение всеми членами лингвокультурного сообщества базовых компонентов аксиологемы привязывает новый прецедентный феномен к сфере осознанного в социуме события.

Следующие оценочные единицы заключены в предложении «*Адамланы тышина къыстаб мешиналагъа джюклеб башлайдыла*» (пер. *Выгнали людей на улицу, их начали грузить в машины*). Слово *къыстаргъя* по семантике близко к русскому «*выгонять/прогонять*», то есть подчеркивается, что люди были выведены из своих жилищ против собственной воли. *Джюклерге* (пер. *грузить*) в карачаево-балкарском языке используется только для описания действий с неодушевленными предметами, таким образом, авторы акцентируют внимание на пренебрежительном отношении органов власти к депортируемым при исполнении операции. Это пренебрежение и жестокость также подчеркнуты в предложениях: «*Малай атхандыла мешиналагъя*» (пер. *Вот так и бросили их в машины*); «*Поездге миндиредиле ма былай къалау этиб*» (пер. *Погрузили их в поезд и бросили в кучу*); «*Ийнекле джюрюген эшелоннга къуйдула*» (пер. *Навалили их в вагоны для перевозки скота*) и т. д.

Вторая категория является самой многочисленной. В ней входит, например, характерологическая аксиологема с базовой семой «*гибель*» из следующих предложений: «*Биз харилбени къайры элтедиле билмейбиз*» (пер. *Куда нас бедных везут мы не знаем*); «*Анам харыб гырджын бишире эди*» (пер. *Бедная мать моя пекла хлеб*). В карачаево-балкарском языке лексема *харыб* является полным аналогом русского «*бедный*», используемого как для оценки моральной, а не материальной характеристики человека, однако также данное слово карачаевцы и балкарцы используют в значении «*умерший, погибший*», поэтому во втором предложении можно проследить оценку не только ситуации, сложившейся в тот конкретный исторический период, но и чувства интервьюируемой к более поздней смерти матери в ретроспективе к прецедентному феномену, представленному в кинофильме.

Следующий пример интересен тем, что оценка в нём даётся не чувствам депортируемых людей, а их питомцев, провожающих своих хозяев и, хоть и неосведомлённых, но понимающих неизуальность и негативный характер происходящих событий: «*Итлерибиз бизни ызыбыздан улуйла*» (пер. *Собаки наши воют нам вслед*). В данном предложении намеренно было использовано

эмоционально нагруженное слово *выть* (улургъя) вместо нейтрального лаять (юрюрге). Создание общего пространства дерогации осуществлено с помощью экспликации диады «мир – человек», где объективная реальность (природа) анимализируется в образах домашних животных.

Приведём ещё один пример из данной категории. В словосочетании «бары да къырылыб» (пер. и все вымерли), словом *къырылыргъя* (пер. вымирать, гибнуть, дохнуть) даётся оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжелых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла одна третья карачаево-балкарского народа.

Третья категория насчитывает наименьшее количество единиц, что вполне естественно, учитывая то, что тематика фильма направлена на негативное представление тяжелой судьбы карачаевского народа. «*Ёхтем таулу джашала, тау къушала кибик*» (пер. *Храбрые горцы словно горные орлы*) – в данном предложении посредством оценочного прилагательного ёхтем (храбрый) и сравнительного оборота тау къушала кибик (словно горные орлы) выражена высокая оценка народом мужества своих сограждан, принимавших участие в защите страны от фашистов. В данном примере можно также проследить такой яркий элемент карачаево-балкарской и в целом кавказской культуры, как почитание и тотемизацию орла, которого, как правило, ассоциируют с силой, уважением и храбростью. Процесс символизации перцептивно воспринимаемых объектов осуществляется на основе фоновой проекции внутреннего содержания смыслового конструкта при ноэматической рефлексии по моделям, традиционным для народного сознания [3, с. 7]. В следующем предложении выражена оценка стараниям, которые прилагали карачаево-балкарские солдаты для победы над врагом: «*Душманны ууатыр ючюн джашларын фронтха ашырыб, ала да кеслерин аямайын*» (пер. Послали сыновей своих на фронт, чтобы разгромить врага, и те себя не жалели). Буквально лексема ууатыргъя переводится как «измельчать», «крошить», то есть для словосочетания душманны ууатыргъя наиболее адекватным является перевод «стереть врага в порошок».

В последней категории собраны единицы с оценочным элементом «хороший», формирующие пространство позитивизации. Несмотря на трудности, которые переживали в те годы герои интервью, представленных в документальных фильмах, в их словах можно обнаружить элементы ностальгии и положительное отношение к предметам быта или членам семьи, выраженным посредством добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, *джуургъанчыкъ* (одеяльце), *джастыкъчыкъ* (подушечка), *къыз-*

чыкъ (девочка), *къарнашчыгъымы кёлекчигин* (рубашечка братишки), *гардошчука* (карточка), *чюгюндюрчук* (свёклушка), *ахчачыгъым* (денюжка).

Таким образом, в кинотексте фильма «Хорлатмаз адам эси» насчитывается 45 языковых единиц с элементом оценочности. Оценочность единиц выражена различными средствами языка: употребление эмоционально окрашенных прилагательных, использование тропа, противоположного олицетворению, внедрение уменьшительно-ласкательных суффиксов, сравнений, олицетворений и так далее. Можно сделать вывод, что данный кинотекст, как и предполагалось, обладает высокой степенью оценочности, и оценка, в соответствии с тематикой фильма, носит преимущественно отрицательный характер.

Помимо документального фильма был рассмотрен игровой исторический фильм, основанный на реальных событиях, как наиболее близкий по жанровым характеристикам к адекватному представлению социально-исторического контекста. В исторических фильмах, посвященных реальным историческим событиям, могут быть за действованы реально существовавшие или вымышленные герои. Цель автора в этом случае заключается в максимально достоверном воспроизведении событий или, точнее, их возможной версии. Безусловно, являясь произведением искусства, фильм гарантирует определенную, в некоторых случаях весьма значительную долю художественной условности [1].

Фильм «Мариям», автором которого выступил Малика Атабиева, основанный на реальных событиях, повествует о насилийственной депортации балкарцев во время Великой Отечественной войны. Перевозили семью автора и остальных депортируемых в товарных вагонах, предназначенных для скота, на территорию Средней Азии. Они были обречены на голодную смерть. Главными героями фильма выступили молодые люди, покинувшие родной край против собственной воли и стремящиеся выжить в жестоких условиях депортации. Кинотекст данного фильма предполагает высокую частотность употребления аксиологически нагруженных языковых единиц, оправданную личным характером раскрываемых в фильме событий. Тем не менее, лингвоаксиологический анализ кинотекста позволил нам выделить категории аксиологических единиц отличные от рассмотренных выше. В данном кинотексте были выделены следующие категории: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражющие жалость к собственной участии; 3) единицы, отражающие положительное отношение.

Языковая единица первой категории была обнаружена в предложении «*Да чеченлени да алай кетерген эдиле*» (пер. Да чеченцев ведь тоже

так убрали). В карачаево-балкарском языке глагол кетерирге полисемантичен и может переводиться как «убирать / увозить / стирать / смывать / сбивать / уничтожать / искоренять». Таким образом, оценочный характер данной единицы заключается в акцентировании внимания зрителя на том, что чеченцев не просто перевезли на другую территорию, а сделали это жесточайшим способом, практически спровоцировав искоренение народа. Очевидно, что негативизация оценочных компонентов с переносом в прямом сравнении с другими этносами способствует объединению концептуально-валерных систем различных народов Кавказа. Следует подчеркнуть, что генерализация оценки осуществляется и на основе трансляции бед и несчастий, понятных всему человечеству.

Например, в следующем примере содержится лексема, относимая ко второй категории, которая отражает оценку народом своего безвыходного и жалкого положения. В предложении «Дуниягъа палах келиб тургъян сағъатда» (пер. Когда на мир обрушилась беда). Слово палах, которое в переводе на русский язык означает «беда/несчастье», даёт отсылку не к периоду самой депортации, а предшествовавшему ей началу Второй мировой войны, которая уже нанесла сильный удар по экономическому и духовному состоянию карачаево-балкарского народа: продовольствия, как и рабочей силы не хватало, все здоровые мужчины и юноши ушли на фронт, оставив женщин, стариков и детей дома. Таким образом, данная языковая единица содержит в себе негативную оценку обстоятельств, преследовавших представителей карачаево-балкарского народа с начала сороковых годов двадцатого века.

В экспрессивном высказывании «Не джашауду бу биз *харилеге*?!» (пер. Что это за жизнь такая у нас несчастных?!), бабушка главной героини выражает отчаяние, вызванное тяжелыми условиями депортации. Слово *харил* в переводе даёт такие значения, как «бедный/несчастный/бедолага». Кроме того, данную лексему традиционно используют в речи об умершем, то есть данную реплику можно интерпретировать и так, что участь депортируемых была настолько жестокой, что моральное состояние людей было близким к предсмертному, из которого они не видели выхода. Напрашивается вывод о резко негативной оценке спецпереселенцами условий, наличествовавших в местах депортации.

Фраза «Тегерекде ачдан *къырыллыкъызы*» (пер. С голоду все подохнем), принадлежащая той же самой героине, поддерживает похожее настроение, подчеркивая, что смерть их ждёт самая мучительная. При этом соматизация душевных переживаний индивидуализирует подобное осмысливание прецедентного феномена [4, с. 137]. Оценочность негативного характера, заложенная

в языковую единицу *къырыллыгъа*, обосновывается тем фактом, что в карачаево-балкарском языке она носит такие значения, как «помирать/гибнуть/полегать/дохнуть/сдохнуть», и используется очень часто в отношении скота. Данная лексема резко отличается по семантике от нейтрального *ёлурге* (пер. умирать) и имеет яркую эмоционально-оценочную окраску.

К третьей, не выделявшейся в кинотексте предыдущего фильма, категории относятся единицы, отражающие положительное отношение, которая представлена лексемами, имеющими в своем составе оценочные семы «хороший» или «красивый». К примеру, бабушка часто обращается к своей внучке, главной героине, называя её «марджан», «узунчач», что переводится как «коралловая моя» и «длинноволосая моя» соответственно. В карачаево-балкарском языке данные слова являются субстантивированными прилагательными, сформированными на основе образных тропов, сравнивающих красоту девушки с кораллами и подчеркивающих красоту её волос. Ранее в статье упоминалось, что, помимо общей оценки, выделяются несколько специальных сфер распространённости ценностей, выраженных следующими диадами: 1) «истинно» и «ложно»; 2) «добро» и «зло»; 3) «прекрасное» и «безобразное»; 4) «приятное» и «отвратительное». Очевидно, что данные прилагательные, используемые бабушкой для в качестве обращений, относятся к сфере «прекрасное» и резко противопоставляются сфере «безобразное».

Наряду с образными средствами, для выражения положительной оценки в отношении к различным предметам или лицам используются также словообразовательные средства. К примеру, в предложении «Юсоп, *Мариямчыгъызы* келгенди» (пер. Юсуф, наша *Мариямка* пришла) бабушка называет имя внучки, добавляя к нему уменьшительно-ласкательный суффикс *чыкъ/чыгъ*, тем самым подчеркивая своё доброе отношение к ней и позитивную оценку прилагаемых ею усилий для выживания их семьи в начальный период депортации.

В одной из финальных сцен младший брат героини подходит к ней, думая, что она спит, хотя на самом деле она была уже мертва, со словами «Тур, *гырджынчыкъ* bla *суучукъ* келтиргенме» (пер. Вставай, я *хлебушка* и *водички* принёс). В данном случае положительная оценка предметов также выражена посредством использования уменьшительно-ласкательных суффиксов *-чыкъ/-чукъ*, что ожидаемо, учитывая степень почитания пищи мусульманами (Ислам проник в карачаево-балкарскую среду ещё в 17 веке), а также контекст депортации, предполагавший нищету и голод, который заставлял радоваться даже самой скучной пище.

На основе лингвоаксиологического анализа фильма «Мариям» мы можем заключить, что подавляющее большинство языковых единиц

с компонентом оценочности, зафиксированных в соответствующем кинотексте, выражают оценку резко негативного характера. Подобная оценка аргументирована вертикальным контекстом трагичных исторических событий, вокруг которых разворачивается сюжет кинопроизведения. В данном случае можно констатировать, что ценностное пространство карачаево-балкарской лингвокультуры основывается на актуализации социально-культурного контекста противостояния лишениям, что способствует созданию дерогативных областей в восприятии и оценке конкретного исторического периода [4, с. 58].

Следующим фильмом, подвергнутым нами лингвоксиологическому анализу, является документальный фильм ко дню депортации карачаевского народа «Судьбы печальные страницы», выпущенный телеканалом «Архыз24» 2 ноября 2022 г. (день депортации карачаевцев), автором сценария и режиссёром-постановщиком которого выступила Асият Мамаева. В фильм вошли материалы военной кинохроники, интервью бывших спецпереселенцев, сумевших пережить годы депортации и вернуться к нормальной жизни на родине, а также фотографии из их семейных альбомов.

Как и в случае с предыдущими проанализированными кинопроизведениями, выявленные в данном кинотексте единицы с оценочным компонентом были разделены на несколько категорий: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 3) единицы, отражающие положительное отношение; 4) единицы, отражающие негативное отношение.

Рассмотрим вербализаторы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти. Достаточно яркий пример можно обнаружить в предложении «Ол юч солдат сизни эшик-гэ **сюрюб** чыгъарыргъа изләйдиле» (пер. Те три солдата хотят вас на улицу **выгнать**). Слово сюрюргэ с карачаево-балкарского переводится как «гнать/выгонять». Используя данную лексему, герой интервью подчеркивает, намеренно жестокое обращение представителей власти с депортируемыми, а также актуализирует отсутствие уважения к имуществу переселяемых, что эксплицируется в рамках оппозиции «дом – улица», первый компонент которой является концептуально значимым практически в каждой лингвокультуре. Оценочный компонент рассматриваемой лексемы, как мы видим, характеризуется негативной нагрузкой.

В следующем предложении «Къабыры къайсы болгъанын... ямалағъа **атыб** баргъандыла да» (пер. Не разбирая где чья могила, (тела) просто **бросали в ямы**) делается акцент на пре-небрежительном отношении властей к жертвам депортации, погибшим ещё до достижения места назначения. Если человек умирал в поезде

по пути в места переселения, его тело просто выбрасывали из вагона. Если подобное происходило в пунктах расселения, и близких не оказывалось рядом, тела умерших просто раскидывали по ямам, не удостаивая их и могильных плит. В результате люди часто не могли выяснить, где захоронен член их семьи. Таким образом, подобному поведению со стороны властей героями интервью даётся отрицательная оценка, так как вместо нейтрального *тюшюрюргэ* (пер. *опускать*) было использовано слово с негативным оценочным компонентом.

Вторая категория более многочисленна. Как можно предполагать, исходя из названия, она также наполнена единицами с отрицательной оценкой, ведь бесчеловечные условия, узниками которых оказались спецпереселенцы, не могли оставить положительный след в их концептосфере.

Предложение «Сабийле да **ёксюз** къалдыла» (пер. И дети остались **сиротами**) является частью реальной истории гибели родителей одного депортированного семейства, рассказанной героиней интервью. Если рассматривать лексему *ёксюз* (пер. сирота) в диаде «добро – зло», то, очевидно, что она будет входить во вторую сферу, так как ни в одной культуре мира к потере детьми родителей не относятся с положительной оценкой.

В предложении «**Инджилтиб** кёб турдула сизни» (пер. Много **мучили** вас) дочь геройни интервью, родившейся уже после периода депортации, делает заключение об отношении к депортированным со стороны органов власти, исходя из рассказов матери, как жертвы переселения. Слово *инджилтигэ*, переводимое как «страдать/мучиться/нуждаться/бедствовать», имеет явную негативную коннотацию и, несомненно, его можно было бы отнести к сфере «зло», расширяющей дерогативное пространство коммуникации.

В следующих примерах есть общая значимая для нашего анализа лексема, уже ранее выявленная нами в кинотекстах предыдущих фильмов: «Мухтар **харыб** ёлиб къалгъан эди» (пер. Мухтар **бедный** умер) и «Анам харыб кетгенди» (пер. Мать моя бедная умерла). Как отмечалось выше, в карачаево-балкарском языке слово *харыб* используется для оценки психоэмоционального состояния человека, с экстраполяцией до максимальной степени страдания в значении «умерший, погибший».

Лексема, на которую нам стоит обратить в следующем примере, также фигурировала в предыдущих кинопроизведениях: «Биз мында **кырылыб** барабыз» (пер. Мы здесь **гибнем**). Как и до этого, словом *кырылырьгъа* (пер. вымирать, гибнуть, дохнуть) даётся резко негативная оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжелых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла треть карачаево-балкар-

ского народа. В данном случае в интервью делается отсылка на важное историческое событие – встречу карачаевской делегации с Н. С. Хрущевым в Москве в 1956 г., после которой был издан приказ о реабилитации депортированных народов. В речи перед Н. С. Хрущевым говорилось об угнетении народов в местах депортации.

К категории единиц, репрезентирующих пространство позитивизации, а, следовательно, выражающих положительную оценку, в кинотексте фильма «Судьбы печальные страницы» были определены единицы образного обращения и единицы, сформированные посредством добавления уменьшительных морфем. Приведём примеры.

Во фрагменте интервью, когда дочь пытается освежить в памяти пожилой матери рассказы о временах ссылки в Средней Азии, которыми героиня интервью сама поделилась с дочерью ранее, мать ей отвечает: «Мен аланы унутханма, **джаным**» (пер. Я это всё уже забыла, **душа моя**). Слово **джаным** (балк. **жаным**) (пер. **душа моя**) часто употребляется представителями карачаево-балкарского народа в обращении к близким людям для выражения ласки и привязки, а также в обращении к знакомым с целью экспликации доброго отношения и положительной оценки их действий.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в карачаево-балкарском языке используют для демонстрации ценности каких-либо лиц или предметов. Так, например, одна из героинь интервью, показывая на своих младших сестер, говорит: «Ол да бу да **эгешчиклерим**» (пер. И она, и она – мои **сестрички**). Данный пример можно интерпретировать как актуализацию позитивной области одного из фундаментальных ценностных концептов карачаево-балкарской лингвокультуры – семьи.

В отрывке «Кюбюрден алтынчыкъларымы албы...» (пер. Забрав из сундука своё золотишко...) героиня интервью показывает, какую ценность для них во времена переселения имело то небольшое количество драгоценностей, которое её семье удалось забрать с собой, и трепетное отношение к ним.

Далее мы переходим к категории, которая не была обнаружена ни в одном из предыдущих фильмов, а именно единицам, отражающим негативное отношение. С целью выразить негативную оценку описываемых событий или предметов, как и во многих других лингвокультурах, носители карачаево-балкарского языка прибегают к проклятиям. Это можно наблюдать в следующих фрагментах нашего кинотекста.

В предложении «Чюгюндюр худжугъа суу сала эдик» (пер. Мы поливали эту **проклятую** свёклу) героиня интервью рассказывает о принудительных работах, которыми их заставляли заниматься казахи в местах депортации. Слово

худжу переводится как «проклятый / недобрый / несчастливый / губительный / плохой», что позволяет нам прочувствовать всю ненависть, которую депортированные ощущали к подобного рода навязанным действиям и всю тягостность их выполнения.

Далее героиня рассказывает о ненависти, которую к ним питали представители коренных народов в местах депортации в Казахстане, утверждавшие, что, если их сослали, то не безосновательно, а в качестве наказания за какие-то серьезные преступления, и прогонявшие их со своих земель. Героиня приводит в оригинале выражение, которое казахи использовали в отношении их, и переводит его, говоря «Худжу **къаллыкъ къарабай деген сездю алача**» (пер. На их языке то значит «**будь проклят карачай**»). Выражение худжу **къаллыкъ** (пер. будь проклят) нередко используют при упоминании различных болезней. Например, в выражениях «бу худжу **къаллыкъ ауруу!**» (пер. будь проклята эта болезнь!) или «бу ауруу худжу **къаллыкъ къоймайды!**» (пер. эта **проклятая** болезнь не даёт покоя).

Подобные смыслы можно проследить и в других выражениях. Например, об отношении казахов к переселенцам свидетельствует следующее предложение «**Бизни кёрюп болмай эдиле**» (пер. Они нас **ненавидели**). Буквально выражение **кёрюп болмазгъа** можно также перевести как «не быть в состоянии видеть», из чего следует, что для демонстрации негативной оценки казахами карачаевцев и балкарцев было использовано образное средство, имеющее генерализованную семантику фразеологизма «глаза б не видели».

Однако приводится и пример ответной реакции карачаево-балкарцев: «Алагъа **дунияны къуя** эдиле» (пер. Говорили они им **много всего плохого**), что в данном случае является эпилептической конструкцией от «**дунияны аманын къярьгъа**» (пер. наговорить кому-либо много плохого). Слово **дуния** в карачаево-балкарском языке означает **мир** как место обитания людей, то есть буквально данное выражение можно перевести как «выговорить кому-либо всё то плохое, что есть в этом мире». Как видим, в данном случае героиней интервью использована гипербола для преувеличения негативной оценки, которую в свою очередь казахам дали карачаевцы и балкарцы. Негативизация в совокупности с гиперболизацией зачастую выступает ключевым механизмом создания ядра дерогативной области в процессах формирования как авто-, так и гетеростереотипного восприятия реальности, строящегося на постоянных аллюзиях и реминисценциях полидискурсивного пространства [9, р. 1512].

Следовательно, из данных цитат героини интервью об отношении к ним казахов и работах, к которым их там принуждали, мы можем сделать

вывод, что впервые годы депортации казахи давали карачаево-балкарскому народу крайне негативную оценку и относились к ним с ненавистью и пренебрежением. Когда рассказ о депортации доходит уже до момента реабилитации высланных народов и их возвращения на Кавказ, героиня добавляет, что казахи уже поменяли своё мнение о них и даже просили оставить всё, как было, и не возвращаться на родину.

Результаты. Для целей нашего лингвоаксиологического анализа были проанализированы аксиологические пространства позитивизации и дерогации трех фильмов разных жанров, но одной тематики. Центральная тема всех трёх фильмов – рассказ о тяготах и лишениях, пережитых карачаевцами и балкарцами в годы депортации на территории Казахстана и Киргизии. Формирование и трансляция аксиологического пространства прецедентного мира «депортация» осуществлена в двух жанрах: документальный фильм и художественный фильм на основе реальных событий. Подводя общий итог комплексного анализа, можно утверждать, что кинотексты этих кинопроизведений изобилуют маркерами-экспликаторами

лингвоаксиологического пространства и представляют обширный материал для исследований ценностных ориентиров карачаево-балкарской лингвокультуры, а также дают возможность погрузиться в исторический контекст событий, внёсших огромный вклад в формирование как языка, так и культуры данного народа. Оценочность единиц в проанализированных кинотекстах выражена различными средствами языка: употребление эмоционально окрашенных прилагательных, использование образных средств, внедрение уменьшительно-ласкательных суффиксов и так далее. Топикальная привязка кинодискурса о депортации определяет преобладание в кинотекстах единиц с негативным оценочным компонентом. Дерогативное пространство оценки прецедентного события осуществляется посредством его вербализации в лексемах с негативными семантическими элементами различной степени интенсификации, а также в рамках наиболее действенного приема расширения и генерализации концептуально-валерной системы в форме устойчивых выражений и прямого сравнения со сходными областями негативизации событий в других этнокультурах.

Практический материал

1. YouTube «Мариям» Фильм 2022 (с русскими субтитрами). – 2022. – [Видео файл] – <https://www.youtube.com/watch?v=rHIVRF1EhCA>.
2. YouTube «Чтобы помнили». К 75-летию депортации балкарского народа. – 2018. – [Видео файл] – https://www.youtube.com/watch?v=7_3U4rChJAk&t=553s.
3. RuTube Судьбы печальные страницы. – 2022. – [Видео файл] – <https://rutube.ru/video/45747312a292caa620542c9acadd4379/>.

Литература

1. Архипов Б. В. Менциков Владимир Владимирович Историческое кино как фактор формирования исторического сознания // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-kino-kak-faktor-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya> (дата обращения: 07.03.2023).
2. Бредихин С. Н. Общие принципы текстостроения как объекта распредмечивания смысла // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 634–640.
3. Бредихин С. Н. Ноэматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. докт. филол. наук. Нальчик: КБГУ, 2014. 39 с.
4. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
5. Котлярова В. В. Аксиология как допарадигмальная Наука: период античности // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-kak-doparadigmalnaya-nauka-period-antichnosti> (дата обращения: 25.12.2022).
6. Павлов С. Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект // Вестник Мининского университета. 2013. № 2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoaksiologicheskaya-model-cheloveka-nauchno-metodicheskiy-aspekt> (дата обращения: 26.12.2022).
7. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Гнозис, 1995. С. 35–73.
8. Bredikhin S., Serebryakov, A. The Explicitness Of The Deep Structure Of Meaning In Prognostic Strategies. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557.
9. Bredikhin S. N. Tsybulevskaya A. V. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 92. P. 1507–1514.
10. Mai M. Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kinos. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2006. 320 s.
11. Štúr M. Three Basic Language and Semiotic Dichotomies after One Century of Development and the Complexity of Semiotic System // XLinguae. 2013. Vol. 6. Issue. 4. P. 2–17.

References

1. Arkhipov B. V. Menshchikov Vladimir Vladimirovich Historical Cinema as the Factor of Historical Consciousness Formation. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Kurgan State University. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-kino-kak-faktor-formirovaniya-istoricheskogo-soznaniya> (accessed: 07.03.2023).
2. Bredikhin S. N. General principles of text derivation as sense desobjectivation object. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* = Cognitive studies of language. 2015;20:634-640.
3. Bredikhin S. N. Noematic structure of sense derivation within philosophic discourse: abstract of thesis. Nalchik, 2014. 39 p.
4. Bredikhin S. N., Pelevina N. A. Linguocognitive mechanisms of the worldview personal components actualization and conceptualization. Stavropol: Paragraph, 2021. 172 p.
5. Kotlyarova V. V. Axiology as pre-paradigm science: antiquity period. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Humanitarian and social sciences. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-kak-doparadigmalnaya-nauka-period-antichnosti> (accessed: 25.12.2022).
6. Pavlov S. G. Linguistic and Axiologic Model of the Human: Methodical Aspect. *Vestnik Mininskogo universiteta* = Bulletin of the Minin University. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoaksiologicheskaya-model-cheloveka-nauchno-metodicheskiy-aspekt> (accessed: 26.12.2022).
7. Stepanov Yu. S. Alternative world. Discourse. Fact and Principle of Causality in Language and Science of the End of the 20th Century. Moscow: Gnosis, 1995. p. 35-73.
8. Bredikhin S., Serebryakov A. The Explicitness Of The Deep Structure Of Meaning In Prognostic Strategies. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019;58:2549-2557.
9. Bredikhin S. N. Tsybulevskaya AV. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020;92:1507-1514.
10. Mai M. Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kinos. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2006. 320 S.
11. Štúr M. Three Basic Language and Semiotic Dichotomies after One Century of Development and the Complexity of Semiotic System. *XLinguae*. 2013;6;4:2-17.